Б70
1856

БЛОКАДА

КРѢПОСТИ КОСТРОМЫ,

ИЛИ

РУССКІЕ ВЪ 1608 ГОДУ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ ВЪ 3-хъ ОТДѢЛЕНІЯХЪ И 3-хъ КАРТИНАХЪ.

Соч. А. П. С—на.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1856.

Б 70

БЛОКАДА
КРѢПОСТИ КОСТРОМЫ,
ИЛИ
РУССКІЕ ВЪ 1608 ГОДУ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ ВЪ 3 ОТДѢЛЕНІЯХЪ И 3 КАРТИНАХЪ.

Соч. А. П. С—на.

КАРТИНА I.
Все за вѣру и родину!

КАРТИНА II.
Геройство Русской Боярыни.

КАРТИНА III.
Огненная могила.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1856.

2 экз.

83 2110

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 24-го Марта, 1855 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ*.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
525390

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ДМИТРІЕВА.

Его Высокородію

Василью Васильевичу

ОБРАЗЦОВУ,

КОММЕРЦІИ СОВѢТНИКУ И КАВАЛЕРУ,

ПОСВЯЩАЕТЪ

Авторъ

А. С—нъ.

С.-Петербургъ.

Василій Васильевичъ!

Случай свелъ меня съ Вами на короткое время,—но для меня это время будетъ незабвенно!—сколько счастливыхъ часовъ провелъ я бесѣдуя съ Вами и—какъ много добраго и истинно-поучительнаго почерпнулъ изъ этихъ бесѣдъ и для головы моей, и для сердца!

Но—вотъ мы разстались съ Вами и на далекое разстояніе. Увидимся ли опять? — Богу извѣстно! — Чѣмъ же откликнусь я издалека на Ваши искренность и радушіе?—Чѣмъ, кромѣ душевнаго воспоминанія о Вашей свѣтло и отрадно-мыслящей головѣ и прекрасномъ сердцѣ!..

Посвящая эти сцены Вашему имени, прошу Васъ постоянно вѣрить моему истинно-искреннему къ Вамъ уваженію.

Авторъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ ВЪ ПЕРВОЙ КАРТИНѢ:

КОСТРОМСКОЙ ВОЕВОДА, БОЯРИНЪ ИВАНЪ ФЕДОРОВИЧЬ ОБРАЗЦОВЪ-ХАБАРОВЪ . . .		*Г. Каратыгинъ 1-й.*
ЧЕМЕЗОВЪ	Костромскіе дворяне.	*Г. Третьяковъ.*
БОЙКОВЪ	Костромскіе дворяне.	*Г. Максимовъ 2-й.*
ФІОНА, безумная		*Г-жа Орлова.*
СОСУЛЬКА, подьячій		*Г. Марковецкій.*
ТЕРЕНТЬИЧЬ, 70-лѣтній старикъ .		*Г. Брянскій.*
ДАНИЛА.	Костромитяне. . . .	*Г. Радинъ.*
ПИМЕНЪ.	Костромитяне. . . .	*Г. Калининъ.*
НИКИТА.	Костромитяне. . . .	*Г. Сосновскій.*
ОДИНЪ ИЗЪ ТОЛПЫ		*Г. Петровъ.*
ПОЛЬСКІЙ ПОСОЛЪ РУГОТИНЪ .		*Г. Степановъ.*
СТРѢЛЕЦЪ		*Г. Горшенковъ.*
ГРАЖДАНЕ. НАРОДЪ.		

Эта пьеса представлена въ 1-й разъ на Александрынскомъ театрѣ, въ пользу актрисы г-жи Дюръ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

КАРТИНА I-я.

ВСЕ ЗА ВѢРУ И РОДИНУ!

ДЕКОРАЦІЯ:

Сцена представляетъ площадь, внутри крѣпости—окруженную деревянными строеніями и церквами. Видны зубцы крѣпости. На аван-сценѣ колодезь съ бадьею, подъ навѣсомъ и подъ огромнымъ деревомъ; возлѣ колодезя камень, на которомъ сидитъ молодая дѣвушка, Фіона, съ распущенными волосами, блѣдная—но красивая, въ весьма бѣдномъ сарафанѣ. При поднятіи занавѣса, она поминутно плещется изъ бадьи водою и дико улыбается.

ЯВЛЕНІЕ I.

Фіона (*одна*). Ахъ, ты Господи! и холодно, и жарко! Такъ вотъ и знобитъ; а морозъ-то, морозъ-то такъ и трещитъ... А жаръ-то, жаръ-то, словно въ аду—такъ и жаритъ, и томитъ меня, сиротинушку—без-

пріютную... И грустно мнѣ, и скучно мнѣ... И помолиться-то не дадутъ надъ его могилой... А куда былъ хорошъ, а куда былъ прихожъ... На конѣ ли статномъ? Богатырь богатыремъ... Хороводъ ли заведетъ? Соколъ соколомъ. . Пѣсенку ли запоетъ? Лебедь лебедемъ... Что же дѣлать? Улетѣлъ на чужую сторонушку; на прощаньи пѣсню спѣлъ бѣдной сиротинушкѣ... Пѣсня та, камнемъ на сердцѣ легла... Кровью мнѣ сказалась... Какъ бишь ее голосъ-то? Не припомню!—Ахъ, нѣтъ, вспомнила! вспомнила! Вотъ что,—онъ сказалъ дѣвицѣ: «я люблю тебя, ненаглядная! И ты меня полюби! Она и повѣрила ему, и полюбила, да и себя погубила. (*Слышенъ набатный колоколъ*). Это что? Кого хоронятъ?—А! Онъ умеръ!.. Вѣчная память! (*становится на колѣни и молится*). Будутъ поминки! И блины будутъ! и кисель! Ахъ, какъ весело! весело! (*подходитъ къ бадьѣ и умывается*) Крови-то! крови-то сколько! Вотъ такъ-то скоро я буду умываться людскою кровью! Любо! (*хохочетъ*) Любо! любо! (*убѣгаетъ. Набатъ продолжается*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Съ обѣихъ сторонъ показываются граждане и между ними ПОДЪЯЧІЙ СОСУЛЬКА.

Данила. А что дядя Пименъ! Ты таки изъ ученыхъ! Тебѣ больше нашего брата знамо, чтобы се за грамотка такая прибыла къ боярину изъ Москвы-то? Вѣдь, слышно, по знатному дѣлу...

Пименъ. А намъ почему знать больше вашего?.. Мы хоть и прислужники прибоярскіе, а небольно знаемъ, что изъ Москвы къ нему пишутъ; да не наше дѣло и знать-то объ этомъ, — ужъ куда намъ на старости пускаться въ разные лясы — да балясы... Что велятъ дѣлать, то и дѣлаемъ...

Данила. Ужъ не еще-ль погибель — истома какая! Разгнѣвался на насъ Господь за грѣхи наши окаянные! На чтобы кажись собирать насъ сюда?

Пименъ. Да развѣ невнятно вамъ было объявлено разсыльными старцами, что не-христи идутъ воевать и полонить нашу крѣпость, и хотятъ разгра-

бить и сжечь ее? Экіе олухи! Ужъ не сзовутъ же васъ сюда по напрасну.

Одинъ изъ толпы. Да кто ихъ знаетъ! Мы что-то плохо велушались! Голова велѣлъ намъ жечь хаты и все подгородье, забирать добро и идти въ крѣпость, — ну, мы и справили свое дѣло! Знаемъ, что вѣдь не присудятъ же намъ бояринъ и начальство—зло на погибелъ нашу.

Данила. Экъ ихъ, нехристей, нелегкая-то дергаетъ! Да не поддадимся! Отщелкаемъ ихъ такъ изъ за-нашихъ стѣнъ крѣпкихъ, что небу будетъ жарко. И кабы въ правду — новый-то Царь былъ настоящій Дмитрій, а неподложный,—такъ возсталъ ли бы онъ противъ православныхъ христіанъ и отдалъ ли бы родную землю на поруганіе разнымъ нехристямъ. Спаси Господи насъ грѣшныхъ и помилуй!

Терентьичъ. Да кто же и смѣетъ вымолвить, что онъ настоящій Дмитрій Царевичъ? — Царевичъ Дмитрій былъ красавецъ и душенькою, и собою, и теперь на небѣ; а это не Царь, а чучело,— саранча, посланная Богомъ въ наказаніе за грѣхи

наши. Опомнясь я былъ въ Москвѣ, такъ православные тамъ вслухъ говорятъ, что онъ бродяга, самозванецъ,—вишь ты мудруетъ! Взять нашу крѣпость, разворить и пожечь все! А вѣра-то въ Бога, а единодушіе-то наше! да противъ такаго заступленія не устоять не только злодѣямъ — нехристямъ, а и никому, кто бы ни посягнулъ на поруганіе нашей родины.

Данила. Слышь ты и впрямъ такъ! Неудастся злодѣямъ пощетиться нашимъ добромъ: отгрянемъ ихъ такъ, что и своихъ не узнаютъ. Экъ они больно *разботвились* съ *ковригнымъ царькомъ-то своимъ* */ Что жъ? приходите-тко! Мы васъ встрѣтимъ! ужъ была-не-была! Смерть, такъ смерть! Одинъ разъ умирать-то! А кажись, какъ появятся они подъ стѣнами, такъ вотъ выскачу изъ *тайныхъ* воротъ, да и давай обухомъ мозжить безмозглыя башки ихъ!..

---

* Историческое.

Терентьичъ. Ай да, Данилушка! Вотъ такъ по нашенски! по стариковски! Какъ разгорится сердце молодецкое, да расходится рука, такъ давай да подавай! кроши, на всѣ стороны! Посчастливится десятокъ ляховъ свалить, и хватски! И исполать тебѣ доброму молодцу!..

Никита (*почесываясь*). Ну, а какъ, дѣдушка Терентьичъ, самому зададутъ топоромъ по затылку, вѣдь какъ снопъ слетишь, да и костей не сосчитаешь...

Терентьичъ. Да ужъ такой трусъ, какъ ты, Микитка, навѣрняка сгинетъ, какъ тараканъ; да и по дѣломъ, на кой лядъ намъ такаго пентюха! Лучше пусть укокошутъ тебя ляхи, чѣмъ будешь толочься здѣсь и смущать вѣрныхъ дѣтушекъ матушки Руси благовѣрной! сгинь ты, пропащая голова!

Подъячій. Нѣтъ, Терентьичъ, нѣтъ! Позволь мнѣ возвысить гласъ мой на защиту раба Божія Микиту! я изреку всей братіи откровенно: во 1-хъ: оный нареченный Микита человѣкъ, какъ и ты, и

всѣ мы,—а во 2-хъ: словеса его мудры и истинны: въ словесахъ оныхъ сокрыта велія осторожность, а осторожность, како гласятъ правила, есть матерь многихъ любвей и добродѣтелей. Аще и впрямъ врагъ наткнется на него со зади и огорошитъ его топорищемъ, то истинно глава его не уцѣлѣетъ и отлетитъ отъ тѣла за тридевять земель, въ тридесятое царство.

Терентьичъ. Не тебѣ бы говорить, не мнѣ бы слушать тебя, Миронъ Карпычъ! Ну, что ты вяжешься не въ свое то дѣло? Шелъ бы въ ратушу, да черкалъ тамъ перомъ, что знаешь; а то лѣзетъ сюда незваный-непрошеный; смотри, чтобы твои разглагольствія не дошли до боярина, опять спину-то велитъ вздуть по намешнему...

Подъячій. Какъ спину велитъ вздуть по намешнему? Обида! Прислушайте, православные! Не давайте въ обиду! Я хоть какое ни на есть, а тоже ваше начальство.

Терентьичъ. Да нечего тутъ прислушивать-то: всякой знаетъ, что ты хотѣлъ ограбить бѣдную вдо-

ну Трифониху; и корову-то у ней невѣсть за что свелъ, да и къ подойнику было подъѣхалъ, — да неудалось: нашлись защитники, отстояли бѣднягу, а тебѣ, по приказанію боярина, спину настрочили батогами.

Подъячій. Вотъ и совралъ, не батогами, а просто розгами.

Терентьичъ. Ну, ужъ я тамъ не знаю чѣмъ: по твоей спинѣ то гуляли, а не по моей... И жарко то было не мнѣ, а тебѣ...

Подъячій. Да не отъ чего было жару-то быть... Стегали то свои, такъ только что кровь пустили.

Терентьичъ. Да ужъ тамъ какъ ни наесть, а все таки ты *стеганый*.

Всѣ (*хохочатъ и дразнятъ*). У! у! у! стеганый! стеганый!

Подъячій. Молчите, треклятые! погодите, придетъ время и я васъ допеку! (*скрывается въ толпѣ*).

Никита (*кланяясь Терентьичу*). А ты, дѣ-

душка, не сердись на меня, что давича и сбрехалъ! право-слово съ просту; винюсь, дѣдушка!

Терентьичъ. То-то, пустая голова! Слушайко лучше, что старшіе говорятъ, — по меньше болтай, да больше смѣкай, анъ дѣло то и будетъ глаже.

Данила. Ну, что говорить съ вахлакомъ-то, дѣдушка Терентьичъ; вѣдь онъ и самъ не вѣдалъ, что сбредилъ, — а случись-ка ему бить ляховъ, такъ не уступитъ другому самохвалу... такъ ли, Микита? Русскую кровь ты знаешь лучше насъ, дѣдушка; какъ загорится поломемъ, такъ смертью только потушишь! — Э! — смотрите-тка, сюда идутъ наши разумники дворяне Чемезовъ да Бойковъ, вотъ чай дѣльное-то говорятъ. Любо слушать умныхъ людей, да слова-то ихъ прилагать къ сердцу.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣже, — дворяне ЧЕМЕЗОВЪ и БОЙКОВЪ.

Чемезовъ (*Бойкову; толпа окружаетъ ихъ*). Да, да! Артемій Петровичъ! Клятвою под-

твержу тебѣ, что лже-Димитрій II бродяга, жидъ, а не убіенный Русской Царевичъ; да и всѣ поступки-то его доказываютъ это; ну, позволилъ-ли бы истинный Царевичъ такъ безчинно и нечестиво поступать чужеземцамъ непризваннымъ! Далъ-ли бы онъ такую повадку и льготу ляхамъ? Нѣтъ, не давалъ бы, не мучилъ бы такъ безжалостно Свят. Русь православную... Подобнымъ образомъ можетъ поступать только нечестивый самозванецъ, жидъ. Да вотъ, какъ извѣстно за вѣрное, вѣдь и Марина-то, пріѣхавъ въ Тушино да увидавъ самозванца, со всѣмъ было отказалась дѣлить съ нимъ супружеское ложе, говоря, что это не тотъ Димитрій, который...

Всѣ. А какъ это было! Какъ было! Разскажи пожалуйста, Артемій Петровичъ!

Чемезовъ. А вотъ какъ, слушайте: Самозванецъ-то, видите ли разсчитавъ, что если Марина признаетъ его своимъ мужемъ, такъ онъ еще сильнѣе подѣйствуетъ на сердца русскихъ и привлечетъ

еще болѣе ихъ на свою сторону, написалъ преуни-женное письмо къ Мнишку, отцу Мариннину, въ ко-торомъ просилъ его пріѣхать съ дочерью къ нему въ станъ, увѣряя, что уничиженіе его кончилось, что онъ опять въ чести и славѣ и — что ждетъ ихъ съ нетерпѣніемъ. Разумѣется, Мнишекъ и Марина не поколебались и скоро двинулись въ путь. Вотъ какъ самозванецъ то узналъ, что они приближаются, то и велѣлъ палить изо всѣхъ пушекъ въ знакъ ра-дости для ихъ встрѣчи. А Марина то не поѣхала прямо въ Тушино, а остановилась въ шатрахъ, за версту отъ него. Самозванецъ поѣхалъ къ ней туда, и въ этихъ то шатрахъ было ихъ первое свиданіе, только больно, говорятъ, не радостное. Марина зна-ла навѣрное, что мертвыхъ съ погоста не носятъ, что убитые не воскресаютъ, и приготовилась было къ обману, да какъ увидѣла, какой самозванецъ то безобразный собою, да какъ замѣтила изъ его по-ступковъ, что онъ непросвѣщенъ, да и души то самой низкой, — такъ напрямки и сказала, что это не мужъ ея, котораго убили во время бунта, а не-

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
Г35390.

извѣстный ей человѣкъ, и что онъ даже не имѣетъ съ мужемъ ея ни малѣйшаго сходства. А сказала то все это, видите ли, при свидѣтеляхъ. Какъ быть! Самозванецъ началъ угрожать ей и отцу ея, говорятъ, смертью: — ну, отецъ и уговорилъ ее признать самозванца мужемъ. (*Въ это время вдали показывается Бояринъ Образ.-Хабаровъ, и прислушивается*). Да Марина то и сама смекнула дѣломъ; помирилась съ самозванцемъ, рѣшилась быть его женой, да торжественно и въѣхала въ Тушинскій станъ и притворилась такъ искусно, что Бояре и народъ умилились нѣжностью ея къ супругу, и еще больше повѣрили, что онъ истинный Димитрій, мужъ ея. Тутъ еще больше начало стекаться русскихъ къ нему въ станъ и покаряться ему. Эхъ! ужъ чему быть, тому не миновать! Знать такъ Господу Богу угодно! — Да нѣтъ, не падетъ наша родимая Русь, наша православная матушка! много, много есть еще Русскихъ, которые постоятъ за нее, бросятся за нее и въ огонь, и въ воду!..

Всѣ. И въ правду! и въ правду!

Данила. Вѣдь мы не глина, а ляхъ то не дубина! Умремъ, да не поддадимся.

Всѣ. Умремъ, да не поддадимся!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣже и ИВАНЪ ФЕДОРОВИЧЬ ОБРАЗЦОВЪ-ХАБАРОВЪ.

Образцовъ-Хабаровъ. Ай да молодцы! Ай да православные! Нѣтъ, ляхи, нехристи!.. Поздно вамъ на Русь идти, трудно вамъ Русь поборать! Съ вѣрою въ Бога, дружно, слившись душа въ душу, станемъ мы противъ васъ! подставимъ вамъ наши груди Русскія! Коли ваша возьметъ, то Божіе опредѣленіе, — а если-же наша, такъ ужъ разгромимъ же мы васъ, разсыплемъ кости ваши по землѣ Русской, распотѣшимся надъ вами! Изъ труповъ вашихъ складемъ столы, да зададимъ такой пиръ, что мертвые въ гробахъ встрепенутся и спасибо скажутъ.

Всѣ. Ура!

Образцовъ-Хабаровъ. Други и братья! Позволимъ ли мы разграбить злобнымъ тиграмъ богатство нашихъ Церквей, которое собиралось вѣками? отдадимъ ли имъ на безчестье и поруганье дѣтей нашихъ, женъ и родныхъ?

Всѣ. Никогда! Смерть нехристямъ окаяннымъ! ляжемъ костьми за правое дѣло! Только по нашимъ трупамъ взойдутъ они на наши стѣны!

Образцовъ-Хабаровъ. Пойдемъ-те же теперь и соединимтесь въ общую молитву за успѣхъ нашего дѣла... Богъ намъ прибѣжище и сила! Не убоимся, и не погибнемъ!

Всѣ. Съ нами Богъ! не убоимся!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣже и СТОРОЖЕВОЙ СТРѢЛЕЦЪ.

Стрѣлецъ. Боярин! У крѣпостныхъ воротъ показались человѣкъ съ 50 ть непріятелей. Передъ ними ѣдетъ должно быть посолъ, съ бѣлымъ значкомъ и показываетъ руками знаки, чтобъ его впустили въ крѣпость.

Данила. Бояринъ! Не прикажешь ли припечатать этому *глаголю* * руки-то къ бокамъ?

Образцовъ-Хабаровъ. Повремените, други! Онъ видно польскій посолъ и присланъ ко мнѣ для переговоровъ; а вы зцаете, что пословъ не сѣкутъ и не рубятъ. Чемезовъ! поди и впусти его сюда! (*Чемезовъ уходитъ*). Послушаемъ, что за вѣсти привезъ намъ панъ-полякъ, — заранѣе объявляю вамъ, что всѣ его слова будутъ заключаться въ хитрости, пронырствѣ, коварствѣ и лжеобѣщаніяхъ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЧЕМЕЗОВЪ вводитъ ПОСЛА, (который гордо кланяется боярину и подаетъ ему свитокъ).

Посолъ. Великій гетманъ Петръ Павловичъ Сапега и наияснѣйшій панъ Александръ Ивановичъ Лисовскій, посылаютъ вамъ, изъ подъ троицы го-

---

* Историческое.

рода, Начальнику Костромской крѣпости и всѣмъ находящимся въ ней — ласковый поклонъ и здорованье. Не желая проливать кровь христіанскую, кровь почти родственную, они предлагаютъ вамъ миръ и дружбу, если вы покоритесь великому Государю Нашему и Вашему Дмитрію Ивановичу, и — добровольно, безъ бою сдадите намъ вашу крѣпость.

Образцовъ-Хабаровъ. Дѣло посланнаго — передать посланія, кому онѣ присланы, и — отвѣчать тогда только, когда спрошенъ будешь. Молчи, измѣнникъ! когда не говорятъ съ тобой старѣйшіе тебя!—Ты думаешь, я не узналъ тебя, боярскій сынъ Есѳсонъ Руготинъ? Еще мальчикомъ зналъ я тебя, потому-что съ отцомъ твоимъ покойнымъ водилъ хлѣбъ-соль. И какова бы для него была смертная рана, еслибъ онъ — истый Русскій и Христіанинъ, дожилъ до того, что увидѣлъ бы своего сына измѣнникомъ и вѣрѣ, и Отечеству! И не стыдно тебѣ, и не коритъ тебя совѣсть, что ты промѣнялъ родную вѣру на чужеземную и — возсталъ противъ

отечества, въ которомъ родился и выросъ? — чѣмъ соблазнили васъ ляхи? за что воюете вы, родные, противъ родныхъ? изъ чего бьетесь вы? чтобы признали мы настоящимъ Царемъ Разстригу?.. Хорошо!—Положимъ, что онъ истинный Димитрій,— но если его не признаютъ такимъ ни Святая Церковь, ни глава нашей Церкви — Патріархъ, ни Царь Василій Ивановичь — то намъ ли мудрствовать и защищать невѣдомое дѣло?—и чтожъ? пока вы кричите: тотъ царь — не царь; а вотъ нашъ царь настоящій! пока вы бѣснуетесь и обливаете родную землю родною кровью; въ это время враги наши смѣются надъ вами, рѣжутъ непокорныхъ имъ, разрушаютъ крѣпкое государство, грабятъ его богатства, опустошаютъ храмы и монастыри, приносятъ срамъ и безчестіе въ дома Русскіе и — всюду слышатся вопли, отчаяніе и проклятія! Страшно! страшно! — Измѣнники! Какова-то будетъ вамъ за все это награда *тамъ*, у Всевидящаго! — Что-то отвѣтите вы *Ему* въ послѣдній день міра! — да нѣтъ! не падетъ святая наша Русь! Если же суж-

дено ей рушиться, то не увидимъ мы, не доживемъ мы до ея разрушенія... Дружно, осѣненные Крестомъ Господнимъ, бросимся мы въ толпы враговъ! изрубите насъ, развѣйте по вѣтру прахъ нашъ и — тогда возьмите крѣпость, ея святыню и, заповѣдныя ея сокровища.

Молчаніе. Посолъ плачетъ. Голова его поникла; онъ снимаетъ съ себя польскую саблю и кунтушъ, отбрасываетъ ихъ и падая на колѣни говоритъ:

Посолъ. Бояринъ Иванъ Федоровичь! Я преступникъ! я измѣнникъ и вѣрѣ и отечеству; но я раскаяваюсь! прими мое раскаяніе; — сними съ меня грѣхъ мой и прости меня, если можно, или прикажи казнить смертью лютою... Я теперь не выйду отсюда болѣе, а если и выйду, то для того, чтобы встрѣтиться съ непріятелями лицемъ къ лицу и помѣриться силами за отечество и святую вѣру... Прости меня, бояринъ и—прими въ стадо вѣрныхъ защитниковъ христіанъ! клянусь тебѣ Господомъ — воевать за русь честно, и даю слово правое, что

ты забудешь во мнѣ измѣнника, и обнимешь, какъ сына!

Образцовъ-Хабаровъ (*поднимая его*). Радуюсь и веселюсь за тебя и съ тобою, бояринъ Безсонъ Дмитріевичь! Ты прозрѣлъ въ правду и истину, и Богъ проститъ грѣхи твои. (*Обнимаетъ его, тотъ цѣлуетъ его руки*). Православные! теперь выслушайте грамоту Сапеги и Лисовскаго (*читаетъ*) *. «Пишемъ мы вамъ Царскимъ словомъ и заистин- «ствуемъ, яко не токмо въ Костромѣ намѣстники «будете отъ Государя нашего и Вашего прирожден- «наго, но и многіе грады и села въ вотчину Вамъ «подастъ, аще здадите градъ Кострому. Аще ли не «покоритеся милости нашей и ласкѣ и нездадите «намъ града, а дастъ Богъ, возьмемъ его, то не «одинъ отъ Васъ въ градѣ милости отъ насъ не «узритъ, но умретъ злѣ.» (*народу*). Слышите, друзья мои! (*послу*). Вотъ нашъ отвѣтъ: не обольстить насъ ложными обѣщаніями недругамъ нашимъ; ска-

* Подлинная грамота.

жи, Сапѣгѣ и Лисовскому, что и 10-ти лѣтній ребенокъ здѣсь посмѣется надъ ихъ предложеніемъ, зная всю его несправедливость. А чтобы Сапѣга и Лисовскій не подумали, если ты останешься здѣсь, что мы изъ злобы умертвили тебя, то передай имъ этотъ отвѣтъ лично, и если ты истинно раскаялся, то возвратишься къ намъ.

Посолъ. Клянусь Всемогущимъ Богомъ—глаза мои прозрѣли! я вижу, чувствую мое преступленіе и прегрѣшенія, и возвращусь къ Вамъ, и буду молить васъ, посвятить меня въ черноризцы, чтобы молитвой и дѣлами могъ я искупить содѣянныя мною зло и неправды.

Образцовъ-Хабаровъ. Сколько идетъ на насъ войска, и далеко ли оно отсюда?

Посолъ. Шесть тысячь; я ихъ оставилъ въ 20 верстахъ.

Образцовъ-Хабаровъ. У насъ и тысячи не найдется,—но поручивъ себя Святой волѣ Господа, скрестимъ мечи наши съ мечами нехристей,

и если суждено умереть намъ, то умереть съумѣемъ, чести же и вѣры своей не продадимъ, срама и позора не перенесемъ, а ляжемъ костьми всѣ, мертвые бо срама не имутъ.

Всѣ. Умремъ всѣ! за вѣру и отечество!

Конецъ первой картины.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ ВО ВТОРОЙ КАРТИНѢ:

БОЯРИНЪ, ИВАНЪ ФЕДОРОВИЧЬ ОБРАЗЦОВЪ-ХАБАРОВЪ . . .		*Г. Каратыгинъ 1-й.*
БОЯРЫНЯ, МАРЬЯ ПАВЛОВНА, его жена.		*Г-жа Дюръ.*
РУГОТИНЪ.	Дворяне. . . .	*Г. Степановъ.*
ЧЕМЕЗОВЪ.		*Г. Третьяковъ.*
БОЙКОВЪ.		*Г. Максимовъ 2-й.*
СТРѢЛКОВЪ.		*Г. Сергѣевъ.*
МОРОЗОВЪ.		*Г. Михайловъ.*
АЛЕХИНЪ.		*Г. Толченовъ 2-й.*
ЗНАХАРЬ.		*Г. Фалѣевъ.*
ТЕРЕНТЬИЧЪ.		*Г. Брянскій.*
ПОДЪЯЧІЙ.		*Г. Марковецкій.*
ПАНКРАТЬЕВНА, боярская старшая посидѣлка		*Г-жа Гусева.*
ФІОНА БЕЗУМНАЯ, ...		*Г-жа Орлова.*
ГРАЖДАНЕ.		
НАРОДЪ.		

ОТДѢЛЕНІЕ II.

КАРТИНА II-я.

ГЕРОЙСТВО РУССКОЙ БОЯРЫНИ.

ДЕКОРАЦІЯ:

Боярскіе хоромы. Возлѣ стѣнъ скамьи. Столъ на авансценѣ и кресло. Въ переднемъ углу, въ ставкѣ стоитъ знамя.

ЯВЛЕНІЕ I.

ОБРАЗЦОВЪ-ХАБАРОВЪ сидитъ. РУГОТИНЪ, ЧЕМЕЗОВЪ, БОЙКОВЪ, СТРѢЛКОВЪ. ПОДЪЯЧІЙ, ТЕРЕНТЬИЧЪ, МОРОЗОВЪ, АЛЕХИНЪ и другіе всѣ сидятъ, кромѣ Подъячаго.

ОБРАЗЦОВЪ-ХАБАРОВЪ (*продолжаетъ говорить*). И такъ, друзья мои, вамъ извѣстны и грамота ляховъ, и несбыточные посулы нечестивцевъ;

и потому я призвалъ всѣхъ васъ на совѣтъ и рѣшеніе. Пусть каждый изъ васъ скажетъ свое мнѣніе, какъ теперь поступать и дѣйствовать.

Руготинъ. По моему мнѣнію, каждому изъ насъ крѣпко и дружно стоять за свой городъ, и Костромы безъ боя не отдавать. Вооружиться всѣмъ отъ стараго до малаго, и оградясь постомъ и молитвою, храбро встрѣтить непріятелей.

Чемезовъ. Рать наша подъ Москвой теперь такъ себѣ стоитъ, безъ всякой пользы, Москвѣ она не большая помога,—а будь она здѣсь, такъ мы и недрогнули бы предъ врагами; не лучше ли ее вернуть обратно? И намъ то надежнѣе и привольнѣе будетъ.

Бойковъ. Что и говорить! Чѣмъ больше силы, тѣмъ больше и отпору. Вѣдь не христи-то какъ надвинутъ, да запалятъ изъ пищалей, такъ небу жарко будетъ.

Стрѣлковъ. Двухъ смертей не бывать, а одной не миновать; честнѣе умереть теперь, сражаясь за вѣру и родную землю да за отчіе домы, чѣмъ быть

подъ латынскою властью, и стонать въ срамотѣ и работѣ Египетской.

Подъячій. Да позволятъ православные и мнѣ многогрѣшному слово молвити: пословица глаголетъ: худой миръ, лучше доброй брани,—и плетью обуха не перешибешь. Куда ужъ намъ соваться противу вражьей силы! Вѣдь ихъ видимо—не видимо! А насъ много–ли?.. По моему многогрѣшному разумѣнію лучше сдѣлать съ ними сдѣлочку, чтобъ и овцы были цѣлы, и волки сыты. (*кланяется всѣмъ*).

Морозовъ. Не долго–то жить тѣмъ овцамъ, у которыхъ волки будутъ воеводами.

Терентьичъ. Я хоть и не изъ ратныхъ,—хоть наше дѣло и торговое, а коли надо говорить, такъ вотъ что я придумалъ моимъ стариковскимъ умомъ: коли мѣсто не такъ обширно, такъ оборонить легче. Ябы кажись, сжегъ всѣ посады.

Подъячій. Ай! ай! ай! Что ты, что это ты, Терентьичъ! Да какъ сіе возможно! Да упаси Господи! Да эдакъ сколько христіанскихъ душъ пойдутъ питаться мірскимъ подаяніемъ.

Терентьичъ. Небось и твоя? Эхъ ты зелье! зелье! Ну, а врагъ–то одолѣетъ, лучше чтоли будетъ? Да вѣдь я знаю, по твоему разумѣнію: какъ есть хлѣба край, такъ и подъ елкой рай,—жить хоть въ ордѣ, лишь бы въ добрѣ. Слышь, какъ домишко его пришелся въ посадѣ, такъ рѣчь моя ему и не по сердцу,—а какъ посчитать, сколько душъ ты самъ обобралъ, да по твоей милости ходятъ по миру? (*Всѣ смѣются*).

Подъячій. Срамъ! Поношеніе! Клеветы! Навѣты! безчестіе... Боярин прислушай...

Образцовъ-Хабаровъ. Молчи! (*всѣмъ*). Не для споровъ и ссоръ собралъ я васъ сюда, а для совѣщанія, какъ оборонятся противъ враговъ. Не въ пустыхъ распряхъ тратить время, когда оно дорого...

Алехинъ. Гдѣ много умовъ, тамъ много и умничанья Лучше всего скажи намъ самъ, что должно дѣлать, а мы тебя, какъ начальнаго нашего боярина и послушаемъ, и слова–то твои приложимъ къ сердцу, да и будемъ поступать, какъ ты велишь.

Всѣ. Вотъ что истинно, такъ истинно!

Образцовъ-Хаваровъ. Такъ слушайте же: мое мнѣніе, защищаться до послѣдней капли крови. Сегоднишнею ночью мы сдѣлаемъ выласку, зажжемъ посады, и въ расплохъ нападемъ на непріятеля. Быть можетъ это приведетъ его въ смятеніе и заставитъ отступить,—если же нѣтъ, то предоставимъ все волѣ Божіей. Вы, Руготинъ и Чемезовъ, съ сотней стрѣльцовъ и жилыхъ людей, будете отстаивать красные ворота и всю часть которая ведетъ къ тайницамъ. Бойковъ и Стрѣлковъ съ полуторой сотней сдѣлаютъ вылазку отъ восточныхъ воротъ. Алехинъ и Морозовъ съ двумя сотнями отъ западныхъ,—я же съ остальной ратью и народомъ возьму прямую дорогу... Надобно дѣйствовать такъ, чтобы смѣшать враговъ... Показать имъ, что наша рать многочисленна... Я буду самъ всюду, гдѣ только свалка будетъ жарче. Руготинъ! тебѣ передаю это знамя! (*даетъ знамя*). Въ немъ наше спасеніе! Геройски сохранять и защищать его твое дѣло! Это знамя будетъ нашей путеводною звѣздою, залогомъ нашей чести и вѣрности, предвѣстникомъ нашихъ успѣховъ и побѣдъ,

или великолѣпнымъ покровомъ на нашихъ могилахъ. Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его!

Всѣ. Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его! (*Всѣ уходятъ*).

Подъячій. А я маломощный и хилый, я сражаться не могу, а пойду на колокольню звонить въ набатный колоколъ. (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

БОЯРЫНЯ ОБРАЗЦОВА-ХАБАРОВА весьма грустная и ПАНКРАТЬЕВНА выходятъ съ другой стороны.

(*темнѣетъ*).

Панкратьевна. Да что это вы, матушка боярыня! Да Господь съ вами! Да вѣдь вы эдакъ со всемъ изведетесь! Съ нами крестная сила! Супругъ вашъ, милосливый бояринъ Иванъ Федоровичь живъ-живёхонекъ, а ужъ вамъ чудится и могилка его, и саванъ, и гробъ дубовый... Полноте, Господь съ вами! Ужъ не обошелъ ли васъ кто? Не съ глазу ли экая притча приключилась.

Образцова-Хабарова. Я не знаю сама, что со мною, Панкратьевна! Безпокойно—страшные сны мучатъ меня, словно предвѣстники моихъ несчастій... Какое-то темное неразгаданное предчувствіе говоритъ душѣ моей, что не долго мнѣ осталось любоваться моимъ яснымъ соколомъ, дорогимъ муженькомъ. Да, душитъ меня тоска—горе лютое, тяжелый камень палъ на душу мою; что если онъ не будетъ живъ? Что если убьютъ его враги сильные?

Панкратьевна. И, Господь съ вами! Что задумали! Я слыхала, что на войнѣ хорошее-то начальство не бьютъ, а только мелкотравчатыхъ,—а хорошихъ-то бояръ, слышь ты, все въ полонъ берутъ.

Образцова-Хабарова. Нѣтъ, Панкратьевна, лучше смерть честная и славная, чѣмъ полонъ позорный.

Панкратьевна. А я вамъ пророчу, матушка боярыня, что ни смерти, ни полону съ нашимъ бояриномъ не приключится; да и гдѣ жъ взять врагамъ изъ нашихъ стѣнъ крѣпкихъ такого богатыря, какъ

нашъ батюшка бояринъ Иванъ Федоровичь! Да ему на одну руку нужно нехристей-то полсотни... Ужъ нечего сказать, всѣмъ взялъ: и ростомъ, и дородствомъ, и умомъ-разумомъ. Помните, какъ напали на насъ разбойники, когда мы ѣхали въ село Дятлово къ Чемезихѣ; такъ бояринъ ихъ одинъ двадцатерыхъ растусовалъ, да перевязалъ...

Образцова-Хабарова. На войнѣ не столько силой берутъ, Панкратьевна, сколько хитростью, — а противъ пищалей да пушекъ ни какая богатырская сила не устоитъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣже и ПОДЪЯЧІЙ.

Подъячій (*кланяясь*). Во истинну истинно, и истинно не ложно сіе велемудрое разсужденіе, матушка великая боярыня! на собраніи я было возвысилъ гласъ мой, но меня отвергли всѣ съ негодованіемъ... А по моему лучше было бы вступить въ перемиріе со врагами и отщитать имъ нѣсколько

ковшей золота и серебра. (*Набатъ. Пожаръ*). Ай! ай! Вотъ наши ужъ и посадъ подожгли! Погибнетъ все мое заповѣдное имущество! Ахти! Батюшки—свѣты! Побѣжать, хоть что нибудь да спасти.

Образцова-Хабарова (*сильно*). Для чего же посадъ-то подожгли? Скажи, голубчикъ!

Подъячій. Да по повелѣнію боярина Ивана Федоровича, — вишь чтобы ничего не оставалось непріятелямъ, если они полонятъ градъ нашъ; а коли не полонятъ то, такъ и сиди себѣ на завалинкѣ, да гложи кирпичи... Ужъ извините—простите, матушка боярыня,—а я побѣгу домой: всякому свое дорого... (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Панкратьевна. Охъ! Зелье лютое! Не знаетъ куда кинуться... Словно лиса передъ заутреней выряетъ изъ стороны въ сторону, гдѣ бы поживиться. Куда не по нраву мнѣ это подьяческое сѣмя.

(*Пожаръ становится сильнѣе. Слышны выстрѣлы*).

Образцова-Хабарова (*съ трепетомъ хватая Панкр. за руку*). Слышишь, Панкратьевна! Свалка началась! Боже, Боже мой! Что ожидаетъ меня?!.. Еще нѣсколько часовъ, и быть можетъ рѣшится судьба Костромской земли, судьба нашей родины... Толпы непріятелей ворвутся въ отчіи домы и ниспровергнутъ все заповѣдное наше. (*на колѣняхъ*). Объ одномъ молю тебя, Господи! Не дай намъ дожить до такихъ страшныхъ дней, укрѣпи руки воевъ нашихъ отстоять дружно непріятелей отъ нашей твердыни и да не коснется ее рука нечестивцевъ! (*встаетъ*). Знаешь ли, Панкратьевна, я желала бы сама теперь быть въ бою—и если нужно, то пасть вмѣстѣ съ нимъ и со всѣми защитниками родной нашей земли.

Панкратьевна. Что, вы, матушка! Да вы не въ себѣ? Да какъ это можно! Да женское ли это дѣло? Да насъ съ вами какъ телятъ раздавятъ... И пословица говоритъ: женщинамъ домъ, а мужьямъ поле раздольное... Ужъ куда намъ съ вами на войнѣ воевать.

Образцова–Хабарова. Ахъ, Панкратьевна,

ты не поймешь, ты не можешь понять, что значитъ любить человѣка, любить больше всей жизни—и знать, что онъ въ опасности, что, быть можетъ, смерть ожидаетъ его,—что его принесутъ сюда съ поля битвы изувѣченнаго, обезображеннаго и бросятъ съ насмѣшкою у ногъ жены и поругаются надъ ея горемъ, надъ ея страданіями. Ахъ, это страшно! Страшно!

Панкратьевна. Какъ матушка не понять мнѣ вашего горя, и я была молода...

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣже и ТЕРЕНТЬИЧЪ.

Терентьичъ. Матушка! Великая боярыня! бояринъ Иванъ Федоровичь прислалъ меня къ тебѣ съ увѣдомленіемъ, что бранное дѣло идетъ съ нашей стороны успѣшно. Ляхи во многихъ мѣстахъ смяты; наши вои не робѣютъ, дерутся храбро, а самъ–то бояринъ, самъ-то! Словно левъ какой! Гдѣ съ мечемъ пройдетъ, тамъ дорогу проложитъ, — гдѣ сѣкирой махнетъ, головы, словно тыквы валятся,—да ужъ и Руготинъ

молодецъ! Такъ соколомъ и летаетъ; и пули-то его не берутъ. Успокойся матушка, боярыня! За чѣмъ я и присланъ къ тебѣ.

Образцова-Хабарова. Слава тебѣ, Господи! Слава Вседержителю! Укрѣпи Господи нашу рать православную!

Терентьичъ. Я побѣгу опять на стѣны и буду надзирать, что будетъ дальше. (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Панкратьевна. Ну, вотъ видишь, матушка Боярыня! Дѣло-то и выходитъ хорошее! А ты больно тосковала! ужъ куда ляхамъ нехристямъ съ нашимъ воеводой ладить, — имъ ли нашего сокола яснаго побороть... Погоди маленько, отойдутъ отъ нашей крѣпости, какъ не-солоно хлѣбали.

Образцова-Хабарова. О, дай то Господи! Дай Господи! (*за кулисами слышна пѣсня*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣже и ФІОНА ЮРОДИВАЯ (вбѣгаетъ и поетъ).

Разсудите мнѣ, люди добрые,
Разгадайте мнѣ мой не добрый сонъ...

Здравствуй, здравствуй, Боярыня, Богъ на помочь! Ты разсудишь мнѣ мой не добрый сонъ?

Панкратьевна. Да что такое? Что за сонъ, Фіонушка?

Фіона. А вотъ видите: я спала на яву... Была ночька — ночька темная! Что ни звѣздочки на небѣ, что ни мѣсяца въ облакахъ, а свѣтло-было-свѣтлешенько, и мнѣ, бѣдненькой, теплешенько, — пожаръ-зарево сражалося, съ темной ноченькой-холодною, земля жъ кровью обливалася, а я ею умывалася... Снилось мнѣ... Нѣтъ, постойте... Не такъ... Да, да! Снилось мнѣ, что

Посылала я сиза-голубя
Ко милу-дружку съ тайной вѣсточкой ..
Лишь взмахнулъ голубь сизы крылушки,

Ужъ и бьется онъ, и трепещется
Въ воровскихъ когтяхъ злова ястреба...
Обомлѣла я, испужалася ..
Вдругъ схватила я тугой, крѣпкій лукъ,
Наложила я калену стрѣлу. .
Тетива звенитъ, а стрѣла летитъ
И прострѣленный ястребъ мертвъ лежитъ...
Я бѣгу къ нему, я спѣшу къ нему,
Ахъ! кого видятъ мои оченьки...
Милъ сердечный мой распростертъ лежитъ.

(*Плачетъ*).

Не глядятъ его очи ясныя,
Не манятъ меня взглядомъ ласковымъ!
Затворилися уста сладкія,
Не зовутъ меня рѣчью нѣжною!..
Руки бѣлыя на крестъ сложены,
Не прижмутъ меня къ ретиву сердцу...
Разгадайте же, люди добрые,
Мнѣ къ чему такой сонъ привидѣлся?

Образцова-Хабарова, (*въ продолженіи всего разсказа сильно пораженная, трепещетъ, что то припоминая*). Молчи, безумная! Да! Да! Такой же сонъ видѣлся и мнѣ; кто разсказалъ тебѣ его? Когда ты его видѣла?

Фіона. Неучилъ сну меня никто, никто и не разсказывалъ, а когда я его видѣла?.. Э, да вотъ онъ самъ въ очью представляется...

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Граждане вводятъ ОБРАЗЦОВА-ХАБАРОВА блѣднаго и раненаго,—жена его увидавъ это вскрикиваетъ и отбѣгаетъ на аван-сцену.

Образцовъ-Хабаровъ. Оставьте меня! Не обо мнѣ вамъ предстоитъ теперь дума, а о спасеніи нашего города; идите на стѣны и сражайтесь до послѣдняго издыханія, вотъ моя послѣдняя къ вамъ просьба. (*Нѣкоторые уходятъ*). Жена! Другъ! Машинька! Прижмись къ моему сердцу! (*указываетъ на сердце*) Латы что то давятъ... Если я умру, не грусти и не печалься... Я свой долгъ совершилъ, какъ вѣрный слуга отечества и какъ истинный христіанинъ; совѣсть моя чиста, я умру спокойно... Господь Всемогущій и Всещедрый! Если твоей всевышней волѣ угодно положить на насъ

крестъ терпѣнія и испытаній, то пусть онъ ляжетъ на одного меня, на раба твоего Іоанна, со смиреніемъ и вѣрою тебѣ молящагося... Пусть низвергнутся на одного меня всѣ напасти и бѣдствія; пусть я буду весь изъязвленъ ранами, пусть умру въ мукахъ лютыихъ, пусть похоронятъ меня заживо, со смиреніемъ и безъ ропота покорюсь я твоей святой волѣ, — но объ одномъ молю тебя, сердцеведецъ! Спаси русскую нашу землю православную, сохрани въ ней вѣру твердую и непоколебимую, — не дай врагамъ наругаться надъ нашею святынею, — а намъ всѣмъ русскимъ, всѣмъ исповѣдающимъ твое святое имя, царя отъ крови русской даруй! (*встаетъ*). Мнѣ надобно спокойствіе... Знахарь! Пойдемъ со мной въ мою опочивальню. (*Его поддерживаютъ; онъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Образцова-Хабарова. Что я видѣла? Что я слышала? Люди добрые растолкуйте мнѣ, что во кругъ меня совершается? Онъ сказалъ, что онъ ум-

ретъ. (*сильно*). Онъ умретъ! Да что же съ нами то будетъ? Что же насъ то ждетъ съ его смертію? О, не закатись такъ рано наше солнце красное! не погружай насъ, бѣдныхъ, въ тьму горестей и отчаянія... Безъ тебя намъ сиротами сиротѣть, безъ тебя намъ чашу горькую испить... Да нѣтъ! Неужели Господь захочетъ отнять у насъ послюднюю надежду и упованіе? нѣтъ! Онъ милосердъ! Онъ воздвигнетъ боярина на защиту дѣла праваго, — онъ дастъ ему силы и мощь для спасенія родной земли.

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣже и ЗНАХАРЬ (медленно выходитъ).

ОБРАЗЦОВА-ХАБАРОВА (*живо*). А! Знахарь! Ну, что? Что бояринъ? Что мой мужъ? Ему легче? Онъ успокоился?..

ЗНАХАРЬ (*грустно*). Да, успокоился.

ОБРАЗЦОВА-ХАБАРОВА. Онъ будетъ живъ! Рана его не опасна? Боятся нечего?

ЗНАХАРЬ. Да, теперь уже боятся нечего...

Образцова-Хабарова. Что такое? Говори яснѣе...

Знахарь. Онъ умеръ.

Образцова-Хабарова (*вскрикнувъ, стоитъ, какъ окаменѣлая*). Не можетъ быть! (*къ толпѣ*). Слышите? Онъ умеръ! Вы вѣрите этому? Я не вѣрю, не вѣрю! (*Всѣ стоятъ съ поникнутыми головами*). Да что же вы ничего не отвѣчаете мнѣ? Развѣ вы окаменѣли? Онъ умеръ! Слышите ли вы? — А! Все свершилось! Всему конецъ! (*плачетъ*). Не видать мнѣ больше моего сокола яснаго, не прижметъ онъ меня къ ретиву сердцу, не скажетъ, какъ бывало, съ ласкою: я люблю тебя! Ахъ! все прошло! все изчезло! О, надежды человѣческія! что же вы такое?

Панкратьевна (*выходитъ плача*). Матушка боярыня! Успокойся!

Образцова-Хабарова (*грозно*). Ну, что жъ? И намъ всѣмъ должно умереть... Если солнце закатилось, то звѣзды должны померкнуть...

Панкратьевна. Что ты такое говоришь, матушка! Богъ съ тобою!

Образцова-Хабарова. Не живымъ же намъ встрѣчать непріятеля... Нѣтъ, по трупамъ нашимъ онъ войдетъ въ крѣпость, и только на трупахъ нашихъ отпразднуетъ свою побѣду... Мечь мнѣ, мужнинъ мечь! (*ей подаютъ мечь*).

Панкратьевна. Голубушка, боярыня! Что съ тобою? Опомнись!..

Образцова-Хабарова. Я слишкомъ помню, что говорю! Развѣ жена должна оставаться живою послѣ смерти мужа! Нѣтъ! На стѣны! Туда! Мстить, страшно мстить, до послѣдняго издыханія мстить нехристямъ! лечь костьми на томъ мѣстѣ, гдѣ воевода былъ раненъ; но только бы не пережить посрамленія и безславія родной земли... За мной, кто вѣруетъ въ Бога, кто любитъ свое отечество, кто дорожитъ своею честью, за мной! Съ нами Богъ... (*Убѣгаетъ,— за ней слѣдуетъ вся толпа. Выстрѣлы становятся слышнѣе*).

(*Занавѣсъ падаетъ*).

ДѢЙСТВУЮЩІЕ ТРЕТЬЕЙ КАРТИНЫ:

БОЯРЫНЯ—МАРЬЯ ПАВЛОВНА ОБРАЗЦОВА-ХАБАРОВА . . . . . *Г-жа Дюръ.*

ПАНЪ РОЗОВСКІЙ, начальникъ польскаго отряда . . . . . *Г. Славинъ.*

КОРОБОВСКІЙ, Полякъ, шляхтичь, вольноопредѣляющійся въ Польскомъ войскѣ. . . . . *Г. Мартыновъ 1 й.*

ПОЛЬСКІЙ СОЛДАТЪ. . . . . *Г. Люстихъ.*

ОДИНЪ ИЗЪ ПОЛЯКОВЪ . . . . . *Г. Рамазановъ.*

ТЕРЕНТЬИЧЪ. . . . . *Г. Брянскій.*

ПАНКРАТЬЕВНА. . . . . *Г-жа Гусева.*

ПОДЪЯЧІЙ . . . . . *Г. Марковецкій.*

ПОЛЯКИ.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

КАРТИНА III-я.

ОГНЕННАЯ МОГИЛА.

ДЕКОРАЦІЯ:

Комната въ боярскихъ хоромахъ. Дверь въ срединѣ, — дверь на боку. Съ одной стороны узкая лѣстница ведетъ извилисто въ свѣтлицу. Надъ комнатою свѣтлица съ открытымъ окномъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ОБРАЗЦОВА-ХАБАРОВА (*вбѣгаетъ съ мечемъ въ рукахъ, въ кольчугѣ; волосы въ безпорядкѣ падаютъ по ея плечамъ, изъ щеки струится кровь и падаетъ на платье; за ней входитъ Терентьичъ*). Все кончено! Все погибло! Враги приставили къ стѣнамъ лѣстницы и тараны, и несмотря на наше

мужество, уничтожаютъ насъ и пищалями, и превосходствомъ силы... Костромитяне не посрамили земли своей плѣномъ и заточеніемъ, — нѣтъ! Съ честью легли всѣ на полѣ брани, и за то Богъ пошлетъ имъ вѣчную память... Но мщеніе, мщеніе до конца врагамъ кипитъ въ душѣ моей, кипитъ за смерть мужа, за присныхъ... Не умру я не расплатившись съ ними. Терентьичъ! помнится мнѣ, что весь домъ нашъ и дворы, и придворье окружены подкопами, а въ подкопахъ тѣхъ хранится порохъ?

Терентьичъ. Да, матушка боярыня! Это издавна заведено на случай непріятелей.

Образцова-Хабарова. А! Враги — не-христи! Милости просимъ! Приходите къ намъ! Я задамъ вамъ пиръ-на весь миръ... Угощу я васъ сластьми рѣдкими... Напою я васъ виномъ вкуснымъ, да какъ пѣснюль спою, пѣсню страшную: про месть лютую, месть ужасную... Милости же просимъ! (*хохочетъ*) милости просимъ! — Терентьичъ! На тебя теперь вся надежда! Чтобы здѣсь ни случилось, говори, что боринъ умеръ, боярыня также... Одинъ ты

остался домовничій... угощай враговъ изъ всѣхъ погребовъ, и постарайся такъ, чтобъ они умѣстились всѣ въ дому, на дворѣ и придворьѣ...

Терентьичъ. Ты что-то страшное задумала, матушка боярыня?

Образцова-Хабарова. Что мнѣ въ жизни, когда всѣ радости мои погибли... И тебѣ-ли страшится старикъ, въ твои лѣта, когда ты и безъ того смотришь въ могилу... Умремъ, какъ достойные дѣти нашего отечества, и добрая память пойдетъ вслѣдъ за нами...

Терентьичъ. Ладно, матушка! Ты больше это знаешь! умремъ, такъ умремъ!

Образцова-Хабарова. Теперь я пойду въ свѣтлицу, а ты на дворъ, встрѣчать ласково гостей незванныхъ... Да задай же имъ пиръ горой... А я приготовлю имъ свое угощеніе... (*уходитъ по лѣстницѣ въ свѣтлицу. Терентьичъ въ среднія двери*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Подъячій (*вбѣгаетъ*). Батюшки! Отцы мои! Что дѣлать? Враги овладѣли крѣпостью и съ криками

идутъ сюда... Спрятаться негдѣ, — все лежалъ на сѣновалѣ, да и тотъ огонькомъ охватило... Все пережгли наши, окаянные, да и сами-то теперь лежатъ въ растяжку перебитые... Охъ! охъ, охъ! Что дѣлать? развѣ встрѣтить побѣдителей поздравительнымъ возгласомъ? А если имъ это будетъ не по нраву... Развѣ съ судебникомъ въ рукахъ? Азъ, дискать, не послѣдняя спица въ колесницѣ, а подъячій съ приписью... Да имъ-то что до этого? наколотятъ шлыкъ-то, пожалуй, да и поджарятъ на огонькѣ... Нѣтъ, помыслю лучше, многогрѣшный, о спасеніи... Помню, что у боярина былъ гдѣ-то ходъ въ подземелье... Поискать его... (*ищетъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

ТЕРЕНТЬИЧЪ и Поляки: РОЗОВСКІЙ, КОРОБОВСКІЙ и другіе.

Терентьичъ. Милости прошу! Милости прошу, дорогіе гости!

Розовскій (*входя и осматриваясь*). Такъ это былъ боярскій дворецъ! И одинъ онъ остался цѣлъ и

невредимъ! Тогда какъ весь городъ обращенъ въ груды пепла! Молодцы Русскіе! Умѣютъ честно сохранять и почитать жилища властей своихъ! Исполать имъ! Значитъ мы здѣсь и расположимся... Здѣсь наша главная квартира.

Коробовскій (*подъ хмѣлькомъ*). Разумѣется здѣсь, — чего же лучше? Не подъ открытымъ же небомъ... Ей! Староста! Я вѣдь знаю, что у Русскихъ бояръ запасы всего большіе, — подавай намъ сюда всего... И меду искрометнаго, и настоевъ разныхъ, и винъ заморскихъ. . И эдакъ, чтобы поѣсть было хорошо! дьявольски проголодался.

Терентьичъ. Всего вдоволь будетъ, батюшка! Всего будетъ! Теперь въ цѣлой крѣпости ѣсть и пить некому кромѣ васъ...

Розовскій. А солдаты мои?..

Терентьичъ. Домъ великъ и широкъ! всѣхъ, всѣхъ угостимъ! всѣхъ уложимъ!

Розовскій (*указывая на Подъячаго*). Это что за человѣкъ?

Подъячій (*струсивъ и кланяясь*). Я не человѣкъ! ей! ей! не человѣкъ! Я... такъ... съ приписью подъячій!.. Тихъ, какъ теленокъ, глупъ, какъ поросенокъ...

Коробовскій. Трусъ!..

Подъячій. Да, нечего грѣха таить, не изъ храбрыхъ...

Коробовскій. И повсему видно... Эдакой сволочи у насъ своей много, какъ ты... Служи намъ!

Подъячій. За великое счастіе и благодѣяніе почту...

Коробовскій. Молчи!

Подъячій. Молчу!..

Коробовскій. Ну, староста! Вина!—Что, пане Розовскій! больно пріустали? За то теперь отдохнемъ, и поѣдимъ и выпьемъ на славу!..

Розовскій Да, большая слава намъ въ томъ, что мы, присланные взять крѣпость съ ея драгоцѣнностями и богатствами, взяли только пустое поле, засыпанное трупами, да пепломъ. Признаюсь, бога-

тую побѣду одержали... Плѣнныхъ-то, плѣнныхъ-то сколько!—Старикъ чуть не 100-лѣтній, да какой-то мерзавецъ и трусъ съ хвостомъ на затылкѣ... Горсть людей могла противустоять храбро шести тысячамъ, перебить болѣе половины нашего войска и — посмотрите, какая геройская смерть увѣнчала всѣхъ русскихъ... Они не видятъ себя побѣжденными: они не побѣждены, а переходя въ лучшій миръ, оставили намъ груды камней, пеплу и презрѣнія... Нѣтъ, панъ Коробовскій! Долго намъ еще считаться съ Русскими, и неизвѣстно, уйдемъ ли мы изъ Русской земли побѣдителями, не смѣшаются ли наши трупы вмѣстѣ съ ихъ трупами... Имъ честь и слава! Намъ позоръ и безчестіе. (*Терентьичъ и солдаты вносятъ два стола и ставятъ въ комнатѣ съ виномъ и закусками*).

Коробобскій. И, пане! Что намъ за дѣло! Знаютъ про то паны Сапега и Лисовскій! А мы люди наемные, — намъ бы только гроши, гроши, да гроши! (*увидѣвъ вино и закуску*) А, вотъ это славно! (*садится и пьетъ прожорливо и поминутно*

пьетъ). Не угодно ли, пане, раздѣлить компанство! Какой поросенокъ! Пальчики оближешь! А гусь! гусь какой! Жиру-то, жиру-то!—а ночинка-то, ночинка-то какая! Капуста съ груздями, да съ салеными грибками! Просто объѣденье!.. Это еще что такое? Ба! Пирогъ съ визигой да съ осетриной! Да для меня вотъ выше эдакой побѣды (*показываетъ на закуску*) ничего лучше и быть не можетъ. Выпейте ка пане, малвазіи, да закусите хоть немножко! (*Розовскій пьетъ и ѣстъ нехотя; прочіе съ жадностью бросаются къ столу. Два солдата вводятъ Панкратьевну*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Панкратьевна. Ну, что вы меня тащите и пихаете, чортовы дѣти! Я сама такъ пихну, что съ ногъ свихну! небойтесь, некраденая, неуйду.

Солдатъ. Г. Полковникъ! Честь имѣю донести, что эту старую коргу мы поймали въ одномъ изъ погребовъ здѣшняго дома.

Панкратьевна. Ну, такъ чтожъ? Вамъ же, чертямъ, лазила за капустой, да бараниной! Эка орда нахлынула! Терентьичъ велѣлъ всѣхъ поить да кормить; (*въ сторону*) кабы въ мочь да въ силу, накормила-бъ я васъ кочергой.

Розовскій. Что ты за баба?

Панкратьевна. Баба, какъ баба! была бабой, есть баба, и буду бабой.

Кororовскій (*продолжая пить и пѣсть*). Можетъ съ придурью.

Панкратьевна. И съ придурью, коли хошь.

Розовскій. Кто ты такая?

Панкратьевна. Да у прежнихъ бояръ была барская барыня, — а теперь чѣмъ пожалуешь...

Розовскій. А теперь будь нашей стряпухой.

Панкратьевна. И на этой милости благодарю! (*тихо*). Настряпаю я вамъ, проклятые, такого зелья, что и корни то изъ васъ всѣ повыдеретъ ..

Розовскій. Пошла вонъ!

Панкратьевна. Ладно, пойду!

Коробовскій (*весьма на веселѣ*). Погоди, молодка!.. Я совѣтовалъ бы, пане, вамъ отдохнуть... Вы устали... А я кое-что отъ этой бабы поразвѣдаю... Знаете... нѣтъ ли какихъ тайнъ, или гдѣ зарытаго золота... Вы понимаете меня, пане!

Розовскій. Я васъ не понимаю,—но *видѣть, вижу*! Очень хороши! Очень хороши!

Коробовскій. Ну, чтожъ такое, пане! Послѣ блистательной побѣды, можно позволить себѣ и пошалить немножко! Эхъ! Пане! ужъ кости-то у меня не ваши! Враговъ нѣтъ на лицѣ; одни мы — побѣдители! — А вы замѣтили, пане, какъ отчаянно я дрался,—какъ левъ!

Розовскій. Да, только не на чистомъ полѣ, а въ фургонахъ.

Коробовскій. Обида, пане! Да вы знаете ли мою силу! Я бывало подъ Москвою, вотъ какъ москалей-то душилъ! На одну руку положу москаля, а другой прихлопну, и выйдетъ... того... (*Шатается и падаетъ, его поднимаютъ. Розовскій уходитъ въ другую комнату*).

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢЖЕ, кромѣ РОЗОВСКАГО.

Коробовскій (*гордо садится къ столу*). Ну, теперь поговоримъ съ тобой, коханка! Подойди ко мнѣ! (*Панкратьевна нехотя подходитъ*). Э, э! Да ты еще кровь съ молокомъ! Вишь какая полная, да пріемистая... Сядь-ка ко мнѣ... Тебя, панъ Полковникъ, настращалъ! Небось, мы люди добрые! Любимъ и пошутить, и побалагурить... Ты пьешь? (*затрогиваетъ ея*) Экая смачная! (*Подъячему*). Эй, ты, долгогривый! Подай вина! И мнѣ, и молодкѣ...

Панкратьевна (*застѣнчиво*). Какъ не пить, отецъ родной! Пью, согрѣшила окаянная.

Коробовскій. Ну, такъ чокнемся и выпьемъ вмѣстѣ; знаешь, сказать откровенно, я люблю эдакихъ, какъ ты... Поцѣлуй-ка меня!

Панкратьевна. Ахти, батюшки! Да какъ же это, — мнѣ стыдно!

Коробовскій. Да какъ же! Вотъ какъ! (*Цѣлуетъ ее*).

Панкратьевна. Ахъ, проказникъ какой! (*тихо*) Да что я ему съ пьяну-то молодой знать кажусь...

Коробовскій. Теперь намъ спой пѣсню, а мы тебя послушаемъ, да похвалимъ...

Панкратьевна. Радымъ бы радешенька, батюшка! Да не въ моготу: глотку что-то больно перехватило...

Коробовскій. Ну, такъ попляши! Страсть люблю пляски! Бывало подъ Москвой только и дѣла дѣлалъ, что бабъ плясать заставлялъ...

Панкратьевна. Да гдѣ ужъ мнѣ плясать-то родимый! вѣдь курамъ будетъ на смѣхъ...

Коробовскій (*сердито*). А если я этого хочу! Я! Ты знаешь ли, кто тебя проситъ? А? — пляши!

Панкратьевна. Дѣлать нечего; хоть и не встать, а плясать не устать. (*Пляшетъ, припѣвая.*

Всѣ пьютъ и восхищаются, и въ то время, когда она по смыслу пляски манитъ къ себѣ; Коробовскій привстаетъ, весьма довольный, и начинаетъ съ нею приплясывать).

Всѣ Поляки (*кричатъ*). Vivat, Коробовскій!

Коробовскій (*очень пьянъ*). Нѣтъ, пане! Постойте! Покажите-ка ей наши разгульные танцы: нашу мазурку или краковякъ; вотъ жизнь, такъ жизнь! (*Подъячему*) Вина! (*Панкратьевнѣ*) Прелестная богиня моего сердца! Позволь мнѣ пить изъ твоего башмака, за твое здоровье!..

Панкратьевна. Какъ, батюшка, изъ башмака!...

Коробовскій. Такъ, душка; у насъ, въ Польшѣ, такое обыкновеніе... у любезныхъ дамъ, мы пьемъ всегда вино изъ башмаковъ.

Панкратьевна. Да пожалуй и я не прочь, только у меня чоботы-то въ грязи.

Одинъ изъ Поляковъ. Полно те любезничать-

то, Панъ Коробовскій! Въ самомъ дѣлѣ, теперь поѣли и выпили славно! Не дурно бы и повеселиться.

Коробовскій. Именно! именно! молодежъ отхватаетъ намъ краковякъ, а мы посмотримъ, да полюбуемся.

Всѣ. И чудесно! (*нѣкоторые начинаютъ напѣвать краковякъ; другіе танцуютъ его*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Въ половинѣ краковяка, боярыня ОБРАЗЦОВА-ХАБАРОВА тихо входитъ съ лѣва, блѣдная, съ распущенными волосами, въ рукахъ у ней горящій факелъ. Ляхи не замѣчаютъ ее, — краковякъ продолжается.

Образцова-Хабарова. Пируйте, пируйте, друзья! — Дешевъ пиръ нашли вы по вину, да по снадобьямъ, — дорогъ онъ по душамъ христіанскимъ! — Весело вамъ теперь бѣсноваться! Какъ-то запляшете вы подъ мою музыку! (*врывается въ средину Поляковъ. Краковякъ останавливается,—всѣ въ изумленіи*). Злодѣи! Слушайте! Не опозорить вамъ нашей

родины! Не насмѣяться вамъ надъ честью русской боярыни! Все готово! Дѣло сдѣлано! Пора!.. (*Бросаетъ факелъ въ окно; спустя минуту слѣдуетъ страшный взрывъ, — стоны, вопли, отчаяніе...*

КОНЕЦЪ.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
II
№ 1579
Магазин № 2

10

ПРОДАЕТСЯ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

И

МОСКВѢ,

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ.

Цѣна экземпляру 50 к. сереб.